

УДК 398.5

**ПОЭТИКА И СТИЛЬ ВАРИАНТОВ ЭПОСА «АЛТАЙ-БУУЧАЙ»
POETICS AND STYLE OF VERSIONS OF "ALTAI-BUUCHAY" EPOS**

А. КОНУНОВ*

Резюме

Героический эпос «Алтай-Буучай» бытовал почти у всех этнических групп Горного Алтая. Впервые на алтайском языке сказание «Алтай-Буучай» было опубликовано в 1941 году в сборнике героических сказаний Н. Улагашева «Чёрчэктёр».

В данной работе кроме варианта Н. Улагашева автор остановился на трех вариантах сказания, записанных и опубликованных С. С. Суразаковым, а также речь пойдет еще об одном варианте, записанном повторно через 34 года М. А. Демчиновой. Запись произведена в 1992 г. Все эти тексты изданы в двуязычном научном издании «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри») в 2013 г.

Ключевые слова: поэтика, стиль, вариант, анализ, эпос «Алтай-буучай».

Summary

The heroic epos "Altai-Buuchay" was common in almost all ethnic groups of the Altai Mountains. For the first time in the Altai language tale "Altai-Buuchay" was published in 1941 in the collection of heroic tales of N. Ulagasheva "Cherchekter".

In this study, in addition to variants of N. Ulagasheva author placed emphasis on three different stories, recorded and published by S. Surazakova. We'll discuss another embodiment, re-recorded over 34 years by M.A. Demchinova. Recording was made in 1992. All of these texts were published in a bilingual scientific journal "Altai baatylar" ("Altai heroes") in 2013.

Keywords: poetics, style, option, analysis, "Altai-buuchay" epic.

Сюжеты и варианты эпоса «Алтай-Буучай». Героический эпос «Алтай-Буучай» бытовал почти у всех этнических групп Горного Алтая. Известно, что наукой зафиксировано около 20-ти вариантов этого эпоса. В конце XIX и в начале XX века героическое сказание «Алтай-Буучай» в различных вариантах издавалось пять раз. Но все они вышли только на русском языке. При всех недостатках первые записи сказания «Алтай-Буучай» для нас представляют исключительный интерес, так как эти записи содержат детали

* кандидат филологических наук, БНУ РА НИИ алтаистики им. С.С.Суразакова. Горно-Алтайск/ Республика Алтай.
Candidate of philology sciences. BNM. RA NII altaies named after S.S.Surazakova. Gorno-Altai/Altai Republic. E-mail: konun1974@mail.ru

эпоса, которые в более поздних записях этого сказания не могли не подвергнуться каким-то изменениям и переосмыслениям. Еще один важный момент состоит в том, что эти записи произведены в разных концах Алтая и у разных племен: теленгитов, алтайцев и телеутов.

Впервые на алтайском языке сказание «Алтай-Буучай» было опубликовано в 1941 году в сборнике героических сказаний Н. Улагашева «Чёрчөктөр». Далее, уже во второй половине XX века, С. С. Суразаков, желая продолжить сбор вариантов эпоса «Алтай-Буучай», произвел записи на магнитофоне от А. Г. Калкина, Ч. И. Бутуева, Е. К. Таштамышевой и от других алтайских сказителей.

Вариант Н. Улагашева был записан А. Роголевой в 1940 году в г. Ойрот Тура (с 1948 года Горно-Алтайск). Варианты А. Г. Калкина, Е. К. Таштамышевой, Ч. И. Бутуева записаны и переведены на русский язык С. С. Суразаковым в 1958-1959 гг. в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы на магнитофоне.

Таким образом, в данной работе кроме варианта Н. Улагашева мы остановились на трех вариантах сказания, записанных и опубликованных С. С. Суразаковым, а также речь пойдет еще об одном варианте, записанном повторно через 34 года М. А. Демчиновой. Запись произведена в 1992 г. Все эти тексты изданы в двуязычном научном издании «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри») в 2013 г.

По объему вариант Н. Улагашева – 1060 стихотворных строк, вариант А. Г. Калкина от 1992 г. – 1787 стихотворных строк, вариант А. Г. Калкина от 1958 г. – 1416 стихотворных строк. Вариант Е. К. Таштамышевой – 1016 стихотворных строк, вариант Ч. Бутуева – 682 стихотворных строки. Данные записи мало отличаются друг от друга по своим сюжетам, мотивам, именами персонажей, трактовкой образов. В них довольно подробно передаются эпизоды и многие образные выражения. По словам С. С. Суразакова: «Несомненно, это варианты одного эпического произведения, бережно сохраненного сказителями племен Алтая. Они восходят к одному общему прототипу, но содержат следы дальнейшей переработки различными поколениями сказителей» [1, 125].

Из представленных записей вариантов эпоса «Алтай-Буучай» наиболее близкими друг к другу являются записи от тубаларских сказителей Н. Улагашева и Е. Таштамышевой. По некоторым данным оба сказителя восприняли героическое сказание «Алтай-Буучай» от знаменитого тубаларского сказителя Кабака Тадыжекова в конце XIX

века. Е. Таштамышева, признавалась, что она «рассказывает сказание «Алтай-Буучай» очень кратко, намного короче, чем Тадыжеков, без тех многочисленных эпических описаний, на который был способен этот кайчи» [2, 11].

Варианты А. Калкина можно отнести к теленгитским вариантам «Алтай-Буучая», т.е он наиболее близок к вариантам, записанным от сказителей Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай. Первый вариант А. Калкина от 1958 г. был исполнен горловым пением – каем, а второй вариант от 1992 г. был исполнен речитативом без аккомпанемента. Оба варианта исполнены с подробными эпическими описаниями, замедленным развертыванием действия, сохранением всех эпических деталей и повторов.

Надо сказать, что вариант Ч. Бутуева значительно отличается от всех других рассматриваемых вариантов. Это, прежде всего, касается всей системы поэтических оборотов речи и образов, а также некоторых эпизодов и сцен.

В рассматриваемых вариантах эпоса «Алтай-Буучай» можно выделить следующую сюжетную основу.

Богатырь Алтай-Буучай – глава рода, скотовод и охотник. В вариантах Н. Улагашева и Е. Таштамышевой у него есть жена, дочь и неокрепший малолетний сын. В вариантах А. Калкина и Ч. Бутуева – жена, сестра и неокрепший малолетний сын (в варианте Ч. Бутуева интересное указание, что сын Алтай-Буучая сначала был калеккой (международный сюжет): *Одус жылга чыгара / Туруп баспас бала болт* (В течении тридцати лет / Он на ноги не вставал, не ходил) [3, 256]. Имена персонажей варьируются. Главный герой имеет трех коней – для скота, охоты и войны за исключением варианта Ч. Бутуева, в котором богатырь имеет одного коня Темичи-јеерен. Также у него две собаки и два сокола (в варианте Н. Улагашева) или беркута (в вариантах Е. Таштамышевой и А. Калкина). В варианте Ч. Бутуева собаки и соколы не указываются.

Отъезд Алтай-Буучая. Во всех вариантах говорится об отъезде богатыря на охоту. Сценам охоты в эпосе уделяется значительное место. При описании охоты Алтай-Буучая сказители, кроме традиционных описаний охоты, привносят что-то свое, характерное для охоты в их местности. Так, например, у А. Калкина Алтай-Буучай охотится на медведей, волков, кабанов, соболей и выдр:

Туудын анын тууга атты, Суудын анын сууга ла тутты. Камду аннын јакшыларын Карызынан тизендеди. Албаанын аруларын Тумчугынан тизен салды. Удура тиштү айу-бөрү Азузынан тизен салды. Кайра тиштү какайларды Карызынан тизен салды.	Горных зверей он в горах стрелял, В реках ловил речных зверьков; Лучших из лучших выдр За передние ноги нанизывал, Чистых из чистых соболей За кончики носа нанизывал. Прямозубых медведей, волков За клыки нанизывал. Кривоклыких кабанов За передние ноги нанизывал. [3, 100]
---	---

У Ч. Бутуева – только лишь на маралов приемом выгона их на открытое место:

Арка јанын топшунып Меес јанынан турала, Бежен сыгын ол атты. Меес јанынан топшуунып Арка јанынан турала, Алтан сыгын ол адып, Андап-куштап ол јурди.	С северной стороны гор выгнав зверей, На южной стороне их поджидая, По пятьдесят маралов он стрелял. С южной стороны гор их вспугнув, На северной стороне карауля, По шестьдесят маралов стреляя, Так он охотился. [3, 258]
---	--

Охота на этих зверей наиболее характерна для тех мест, где записаны варианты этих сказаний. В варианте Е. Таштамышевой богатырь еще рыбачит.

Важным мотивом в завязке сюжета эпоса «Алтай-Буучай» является нарушение женой и сестрой наказа Алтай-Буучая, повлекшее за собой дальнейшие события. В рассматриваемых вариантах наказ богатыря присутствует только в варианте Н. Улагашева: *Мен үйде јок тужунда / Боро тайга кырына чыкпа // Ак талайдын кутук суузына / Эки будун эмди сукпа!* (Когда дома меня не будет / На серую гору не поднимайся // В родниковую воду ноги не опускай!) [3, 24].

Во время очень долгого пребывания Алтай-Буучая на охоте жена и сестра полагают, что он погиб и нарушают наказ: *Одус јылга барган адан / Алтан јылга једе берди // Ойто биске јанбас болуп / Өлүп калганы јарт болды* (На тридцать лет, уехавший твой отец / Шестьдесят лет не возвращается // К нам не возвращается / Ясно, что

он умер) [3, 26]. В вариантах Н. Улагашева и Е. Таштамышевой говорится, что дочь, поднявшись на вершину горы, увидела стойбище неженатых братьев Араная и Шараная, к которым она едет с письмом матери.

У А. Калкина, как и в большинстве других вариантах этого сказания присутствует мотив ловли и пытки уток, плавающих на озере, которое находилось на вершине горы. Узнав от одной из уток, что есть ловкие и сильные ханы Аранай и Шаранай, жена Алтай-Буучая пишет письмо им на ее крыле.

В варианте А. Калкина достаточно красочно и полно описывается эпизод доставки письма уткой. Эпизод столкновения отца Араная и Шараная – Алтан-Шалтана (в варианте Н. Улагашева – Шалтай-Белтей, в варианте Е. Таштамышевой – без имени) с сыновьями, (отец предостерегает сыновей от верной гибели, но они не послушались отца) присутствует во всех вариантах кроме варианта Ч. Бутуева.

Следующим эпизодом является приезд Араная и Шараная в стойбище Алтай-Буучая и пир у женщин. В рассматриваемых вариантах Аранай и Шаранай приезжают в стойбище до возвращения Алтай-Буучая с охоты. Аранай намеревается жениться на жене богатыря, младший брат Шаранай – на сестре, скот и народ решают угнать, стойбище – разграбить и разрушить. После возвращения Алтай-Буучая Эрмен-Чечен и Дъараа-Чечен в страхе, что богатырь накажет их, решают отравить его. В это время Аранай и Шаранай прячутся. В варианте Н. Улагашева они прячутся под нарами, в варианте Е. Таштамышевой они прячутся вырыв яму в женской половине юрты, в вариантах А. Калкина они прячутся вырыв яму – один на переднем углу, второй около дверей. Только в варианте Ч. Бутуева Апан и Апшын (имена братьев в варианте Ч. Бутуева) остаются сидеть в юрте в качестве гостей.

Одним из основных сюжетов сказания является отравление и умерщвление Алтай-Буучая. Он имеется во всех без исключения вариантах. Различия лишь в деталях. В варианте А. Калкина от 1958 г. богатырский конь заранее предчувствует опасность и предупреждает об этом своего хозяина. Это один из древнейших мотивов алтайского эпоса, где богатырь не слушается своего коня и попадает в беду, из которой извлекает его же конь. В варианте А. Калкина от 1992 г. предчувствие беды представлено через приметы. В пути никогда не спотыкавшийся конь Алтай-Буучая споткнулся, ремешок рукояти

оборвался: *Алтай-Буучай удивился / «Элин-чактын эки үйеге / Менин адым б'үд'үрилбеген // Жажын-чактын јаш үйеге / Менин камчым үз'үлбеген // Өл'өт'өннин салымы ба? / Өз'өтоннин олјозы ба?»* (Алтай-Буучай удивился / «С давних времен за два поколения / Мой конь не спотыкался // С прежних времен до молодого поколения / Моя плетка не обрывалась // Предвестие ли это моей смерти? / Предвестие ли это моего здоровья?») [3, 350]. Только в варианте А. Калкина от 1992 г. присутствует сцена преследования Алтай-Буучая немым богатырем Кара-Баатыром, созданного Эрлик-Бийем, который намеревался убить Алтай-Буучая и взять в жены Эрмен-Чечен и Дъараа-Чечен, разграбить стойбище Алтай-Буучая до приезда Араная и Шараная. Но когда увидел, что Алтай-Буучай, узнав об его намерении, одним ударом плетки разбил с девяносто гранями черную тайгу, испугался и возвратился назад. Этот сюжет возник, вероятно, в дальнейшем развитии эпоса для демонстрации достоинств Алтай-Буучая.

Во всех рассматриваемых вариантах жена Алтай-Буучая сперва его спаивает, а потом преподносит ядовитую *араку*. В варианте Ч. Бутуева отравленный богатырь и его сын сразу умирают, а в остальных рассматриваемых вариантах показан эпизод единоборства богатырей и связанные с ним различные другие мотивы: просьба под ноги соперников бросить скользкий предмет (послед скота, горошины и др.), а под его ноги – не скользкий или твердый предмет (муку, сосновые шишки и др.) (вариант Н. Улагашева, А. Калкина, Е. Таштамышевой), но жена и сестра делают все наоборот, обращение к жене и сестре отпустить коней, собак и соколов (вариант Н. Улагашева).

Аранай и Шаранай с помощью женщин валят богатыря, но умертвить не могут. От Эрмен-Чечена они узнают, что «душа» Алтай-Буучая находится в его большом пальце и отрубают его (в вариантах А. Калкина – выколупывают и глаза его собственным складным ножом, который был спрятан в подошве обуви Алтай-Буучая). Тело сталкивают в глубокую яму. Во всех вариантах враги вместе с отцом умерщвляют и малолетнего сына.

Дальнейшие события связаны с эпизодом избавления коней, собак, соколов (беркутов) и отнятия от врагов большого пальца и глаз богатыря. Эти эпизоды отсутствуют только в варианте Ч. Бутуева. Во всех остальных они имеются, но различия только в деталях.

Далее следует эпизод оживления Алтай-Буучая и его сына. Повествование об оживлении богатыря варьируется. В варианте

Ч. Бутуева конь Алтай-Буучая превратившись в белого сокола, поднимается за дочерью небожителя Юч-Курбустана, которая оживляет богатыря и его сына. В вариантах Н. Улагашева и Е. Таштамышевой конь богатыря едет к Матери-Земле, которая отправляет его добыть черную родинку семиголового Дьелбегена, способного исцелить богатыря, и уже затем конь едет за небесной девой. В варианте А. Калкина сына оживляют кони, собаки и беркуты Алтай-Буучая, а чтобы оживить самого богатыря его конь едет за дочерью небожителя Тенери каана.

После исцеления богатыря и его сына следует сюжет о мести противникам, который также варьируется. В вариантах Калкина мечь совершает сын Алтай-Буучая. Здесь сын расправляется с Аранаем и Шаранаем, с сестрой отца, а мать оставляет, сказав: *«Акыр, слер менин энем болороордо / Менин слерди өлт үрер учурым жок / Слер адамды сакалкайаар»* («Постойте, Вы моя мать / Убивать Вас, у меня рука не поднимется / придется Вам подождать отца») [3, 396], а в остальных вариантах мечь совершает сам главный герой.

После осуществления мести во всех рассматриваемых вариантах, кроме варианта Ч. Бутуева, Алтай-Буучай встречается с отцом Араная и Шараная, шадит его жизнь со словами: *«Мен каргандарды кырбайтам / Кариуларымла женижетем // Өлөр кўнин жеткенче / Отургайзын журтуна!»* («Я стариков не истребляю / С врагами своими борюсь // До конца своих дней / Живи в своем стойбище!») [3, 66].

Сюжет о самостоятельной жизни и борьбе героя второго поколения, т.е. сюжет о женитьбе сына Алтай-Буучая в рассматриваемых сказаниях встречается только в варианте Ч. Бутуева. Женитьба Эрке-Мендира происходит в результате героического сватовства. По мнению С. С. Суразакова «сюжет о женитьбе сына, должно быть, позднего происхождения. Наличие в некоторых вариантах сына, роль которого вначале, должно быть, сводилась к демонстрации жестокости женщин, изувечивших невинного ребенка, могло навести на мысль показать его судьбу, его будущую счастливую жизнь, олицетворением чего в эпосе и является благополучная женитьба молодого героя» [2, 57]. Здесь также речь идет о продолжении рода, о продолжении жизни на стойбище Алтай-Буучая.

И наконец, сюжет об отражении нападения заступников Араная и Шараная встречается только в варианте А. Калкина от 1958 г. и в варианте Ч. Бутуева. По словам С. С. Суразакова «он возник, вероятно, в дальнейшем развитии эпоса для демонстрации достоинств сына Алтай-Буучая, не уступающего ему в своих героических делах. И только после совершения этого подвига сыном совместно с отцом они начинают жить мирно и счастливо, охраняя свой народ и богатство» [2, 57]. В повторной записи от А. Калкина этот эпизод отсутствует, но только в этом варианте наличествует эпизод запугивания немого богатыря Кара-Баатыра созданного Эрлик-Бийем (см. выше).

Таким образом, из сюжета вариантов эпоса Алтай-Буучай видно, что важнейшими конфликтами в них являются конфликт между главным героем и его женой и сестрой (дочерью), борьба между героем и братьями ханами, борьба сына героя с отцом невесты и отражение нашествия злых сил.

Поэтика и стиль эпоса «Алтай-Буучай». Основная цель раздела заключена в рассмотрении в сравнительном аспекте стилиевых приемов в вариантах героического эпоса «Алтай-Буучай» с привлечением ряда вариантов, изданных только на русском языке.

Известно, что алтайскому героическому эпосу присуща развитая поэтика стилистических категорий, которые преследуют специальные поэтико-стилевые цели. К числу особенно частых и значительных относится прием стилиевой *вариации*.

По определению А. В. Кудиярова стилиевая вариация – это «склонность сказителей выражать особо значимую мысль, суждение или художественную подробность параллельной или многократной передачей разными словесно-поэтическими средствами, которая характерна эпическому стилю сибирских тюрков, монголоязычных и ряда других народов» [4, 77]. По структуре вариация бывает двукратным или простым, многократным или усложненным и трехкратным. А. В. Кудияров в своей работе также рассматривает «мини вариации», «числовые образы вариации», «разложение парного слова» [4, 77-114].

В рассматриваемых сказаниях преобладает двукратная вариация, которая является наиболее распространенным типом вариации в алтайской, а также в тюрко- и монголоязычной эпике. По мнению Е. М. Мелетинского «двучастный параллелизм следует считать основным и первичным» [5, 42].

К вашему вниманию представим несколько тем вариационных параллелизмов в вариантах рассматриваемого сказания. Во вступлении даются первоначальные сведения о богатыре и его жизни (описание его эпической страны и характеристика эпического героя) до основных событий

Эпическая родина богатыря: в вариантах Н. Улагашева и А. Калкина, при описании эпической земли Алтай-Буучая используется традиционная в алтайском эпосе параллель *тайга-талай* (гора-река):

Айланып аккан Ак талайдын
Аржан-кутук суузын ичкен,
Кайыр башту Ак тйганын
Семис анынан адып јиген
Алтай-Буучай јуртап јатты.

1. Алты үйелү ак тайганын
2. Айан болгон колтыгында,
3. Јылар јылбас көк талайдын
4. Кеен болгон јаказында
5. Атту чуулу Алтай-Буучай
6. Јуртап јатты.

С водоворотами Белой реки¹
Целебную-ключевую воду пивший,
С крутой вершиной Белой горы
Жирных зверей добывавший
Алтай-Буучай жил.

[3, 22]

2. У открытого подножия
1. Шестивершинной белой тайги,
4. На ровном берегу
3. Медленно текущего синего моря
6. Жил
5. Прославленный Алтай-Буучай.

[3, 94]

В варианте А. Калкина от 1992 г. во вступлении (описание эпической земли богатыря) чувствуется эмоциональная приподнятость повествования, где наиболее значимые подробности варьируются сказителем. Здесь вариативные описания выстраиваются в цепочку, и это придает тексту картинность изображения, красочность.

Озо-озо, озо тушта,
Отурган калык фок тужунда,
Эрте, эрте, эрте чакта,
Эмди бистер фок тужунда,

Өер-тевери белтиринде,
Өети тайга колтугында
Өер карабас тайгалу,
Өетен айры талайлу,

В давней-давней давности,
Когда ныне живущего народа не было,
В раннем-раннем, раннем веку,
Когда нас, теперешних, не было

В схождении земли-неба,
В подмышке семи гор
С горой, где нельзя охотиться
С рекой с семидесятью извилинами

¹ Талай (букв. море) – эпическое название большой реки.

Агар-акпас ак талайды Айав болгон фарадында, Эылар-фылбас көк талайды Меес болгон белтиринде,	На открытом берегу Еле-еле текущей белой реки На солнечном берегу Тихо-тихо текущей синей реки,
Тоолоп болбос мал кабырган, Тоозын билбес фон башкарган, Каранадый мал малдаган, Кара агаштый фөөжө ээлеген,	Несметный скот державший, Бесчисленным народом правивший. Как [чащи] акации скот державший ¹ , Как густой лес богатства хозяин.
Темтев-тумтав базытту, Темичи-Көрев факшы атту, Алтай-Буучай батыр Алтынав бойы фуртады.	С размеренным-ровным шагом Темичи-Кюрен доброго коня имеющий Алтай-Буучай богатырь Сам по себе (неподвластно) жил [3, 302]

Представленные стихи, следуя друг за другом, вариативно описывают изначальную землю эпического героя, то есть земли, исконно предназначенные ему, родные места. Здесь первые четыре четверостишия выступают как бы эпитетом пятого четверостишия, то есть особую группу эпитетов в алтайском эпосе составляют развернутые (пучкообразные) эпитеты – характеристики. Они состоят из простых и сложных эпитетов и обычно даются в значении повествования, являясь при этом не только художественно-образительным средством, но и композиционным. От пятого четверостишия к первому идет вопрос «когда?», ко второму и третьему – «где?», а четвертое – непосредственно связан с пятым. Но, в то же время, здесь каждая поэтическая фигура выступает как самостоятельная единица, и каждое четверостишие может по отдельности сочетаться с пятым четверостишием. В первом четверостишии мы видим традиционную общеалтайскую эпическую формулу, где прослеживается перекрестная вариация, т.е. варьируемые стихи находят свое соответствие через строку. Второе четверостишие несет в себе описательную функцию без варьирования. В третьем и четвертом четверостишиях мы видим опять перекрестную вариацию. В

¹ Типичное для эпоса сравнение, подчеркивающее богатство богатыря – многочисленность, разнообразие его скота. Акации – быстро разрастающиеся кустарники, на открытых склонах издали напоминают пасущиеся тучные стада.

третьем четверостишии устойчивыми остаются слова «*талай*» («река») и «*бол*» («быть»), в четвертом – слово «*мал*» («скот»), а в остальном наблюдается фразовая синонимия, а иногда синонимия отдельных частей эпической фигуры, например, «*агар-акпас*» / «*жылар-жылбас*» – «еле-еле текущей» / «тихо-тихо текущей». Пятое четверостишие здесь выступает как определяемое, как бы резюмирует вышесказанное.

По словам А. В. Кудиярова «в подобных случаях наблюдается не просто сходные формулировки высказанной мысли, а расширение ее содержания, насыщение ее многообразием смысловых и художественных оттенков, дополняющих друг друга в передаче совокупной художественной идеи, единой художественной темы, цельной в своем выражении» [4, 78-79].

В варианте Е. Таштамышевой при описании эпической земли богатыря сказительница использует антонимичные выражения. Определения слова *гора* (тайга) – *золотая* и *черная*, так же выбраны не случайно, адекватно восточной и западной сторонам эпической земли Алтай-Буучая:

Алтай-Буучай маатыр јаткан.
Кўн чыгыдыны бўркеген
Алтын тайга шибеелў,
Кўн ажыт ньанда
Кара тайга шибеелў.

Жил богатырь Алтай-Буучай.
Заслонив сторону восхода солнца
Крепостью стояла его золотая гора,
На стороне захода солнца
Крепостью была черная гора.

[3, 190]

В варианте Ч. Бутуева особо выделяется красота эпической земли героя.

Кۆк чечектў Алтайда,
Кеен сўрлў өзөктө
Ак ла малы болгожын,
Алтай сынын ажынган,
Албатызы болгожын,
Алтын чөлгө јайылган,
Темтен-тумтан базытту
Темичи-јеерен ол атту
Алтай-Буучый јуртай берген.

На Алтае с синими цветами,
В самой лучшей, красивой долине
Белый скот, если о нем сказать,
За хребты алтайских гор перевалил,
А народ его, если о нем сказать,
По всей золотой степи расселился.
С звонким и ровным топотом,
Еа рыжем коне Темичи ездящий
Алтай-Буучай много лет уже жил.

[3, 254]

В вариационных описаниях характеристики эпического персонажа остановимся на традиционной в алтайском эпосе устойчивой формуле описания неуязвимости героя, которая встречается почти во всех алтайских героических сказаниях.

Онын кызарар каны јок,
Онтоп өлөр тыны јок.

У него, чтоб покраснеть, крови нет,
Со стоном умереть, души нет.

[3, 30]

Өлө беретен тыны да јок,
Өзүп токтоор јажы да јок.

Умереть – души не имеющий,
Пределы летам не имеющий.

[3, 108]

Кызарып агар каны јок,
Кыйылып өлөр тыны јок,

Чтоб краснея пролиться, крови нет,
Чтоб оборвавшись умереть, души нет.

Өзöги онын болот бүткен,
Өбчи онын таш бүткен,

От рождения нутро¹ у него стальное,
От рождения пищевод у него каменный.

[3, 328]

В разновременных записях от А. Калкина видим, что сказитель по-разному оформил одно и то же вариативное описание. В первом случае (вариант 1958 г.) сказитель дает оригинальное описание неуязвимости богатыря, во втором случае в первой части видим часто используемую алтайскими сказителями поэтическую формулу, а во второй части – также оригинальное описание, усиливающее и подтверждающее сказанное в первой части четверостишия.

В варианте Ч. Куранакова, вариативная фигура неуязвимости эпического героя почти идентична с вышеприведенным описанием Н. Улагашева: *В муках умирать у него такой души нет, литься, краснея, у него такой крови нет* [6, 16].

Идеальный облик, красота эпического персонажа в алтайских героических сказаниях выражается посредством уподобления с небесными светилами, которое в большинстве своем используется применительно к описанию красоты эпической героини. В варианте Н. Улагашева в описании идеального облика кроме сравнения с небесными светилами, имеется типичное для алтайцев сравнение подглазий с маральником (марал) – местное название багульника:

¹ *Өзök* – в данном случае букв. брюшная артерия (при закалывании барана обрывают брюшную артерию – *өзöгин үзер*).

А. Конунов. Поэтика и стиль вариантов эпоса «Алтай-Буучай».

Эки көс тан чолмондый, Эки качар кызыл марал.	Два его глаза как утренняя звезда, Два его подглазья, как красный маральник. [3, 74]
--	---

В варианте А. Калкина идеальный облик (лицо) Алтай-Буучая выражено посредством уподобления с луной и солнцем и в целях идеализации в высшей степени его лик сравнивается с блеском благородных металлов:

Ай кеберлү бу чырайы Алтын кептү жылтырашкан, Күн кеберлү бу чырайы Күмүш кептү мызылдаган.	Луноподобный лик, Как золото, блестит, Солнцеподобный лик, Как серебро, сверкает. [3, 118]
--	--

Здесь золото и серебро, с одной стороны, сказителем выбраны для начальной аллитерации, с другой стороны, золото и серебро – благородные металлы – выступают в качестве эталона красоты, нетленности и долговечности.

В варианте А. Калкина от 1992 г. идеальный облик героя описан двуступенчато:

Көргөн көзи тав чолмондый, Көөркий бойы су алтындый,	Видящие глаза – как утренняя звезда, Сам – как из чистого золота, [3, 330]
---	--

В записи А. Калачева в описании идеального облика богатыря, с небесными светилами сравниваются глаза Алтай-Буучая:

Один его глаз ярок, как утренний восход,
Другой как луна горит [7, 493].

Вариативное описание облика Алтай-Буучая после оживления:

Озогызынан он артык чырайлу, Эртегизинен эки артык ийделү.	Лик его в десять раз лучше, чем прежде, Сила его в два раза больше, чем раньше. [3, 74]
---	---

Озогыдан он артык, Эртегиден эки артык.	В десять раз он крепче, чем прежде, стал, В два раза сильнее, чем прежде, стал. [3, 242]
--	--

Озогыдан он дор артык, Ол дор болуп ол тынданды. Эртегиден эки артык Бу ла болуп ол ойгонды.	В десять раз он крепче, чем прежде, Став, ожил. В два раза сильнее, чем раньше, Став, проснулся.
---	---

[3, 142]

Перед нами – эпические стихи, вариативно описывающие изменение облика эпического персонажа. Во всех цитатах в основе стоит поэтическая формула *Озогыдан он артык / Эртегиден эки артык* – «В десять раз крепче, чем прежде / В два раза сильнее, чем прежде», где в варианте Н. Улагашева видим уточнение, что изменились именно «лик» и «сила» героя. В варианте А. Калкина наблюдается перекрестная вариация.

Вариативное описание приготовления к свадебному пиру:

«Тайгаа теннеп эт туралар, Талайга теннеп араа аслар».	«С гору мясо нарубите С моря араки наварите».
---	--

[3, 248]

Тайгачаны јазай берген, Талайчаны јууй берген.	С гору (мясо) нарубили, С моря (вино) собрали.
---	---

[3, 272]

Здесь, во втором примере, данные в скобках уточнения «мясо» и «вино» имплицитны: в оригинале этих слов нет. Внесение их в перевод мотивированно предшествующим, точнее такими же устойчивыми описаниями приготовления к свадебному пиру, которые встречаются почти во всех алтайских героических сказаниях.

Из трехкратных вариаций вашему вниманию можно представить вариативное описание приготовления ядовитого араки (вина) для отравления Алтай-Буучая в варианте А. Калкина:

Алтан тажуур аракыга Ачу корон кожуп ийди, Јетен тажуур коројонго	В шестьдесят тажууров вина Горький яд добавила, В семьдесят тажууров перегнанного вина
Јыду корон кожуп ийди, Ўделикке бу јетирбей өлтүретен	Дурно пахнувший яд вылила, До полудня, чтоб богатырь не прожил, умер,
Изү корон бу божотты.	Жгучий яд спустила.

[Алтай баатырлар 2013, 116]

Здесь трехкратное вариативное описание, где в первых двуступициях идет традиционное в алтайском эпосе варьирование числительных «алтан» (шестьдесят) и «жетен» (семьдесят) связанных с начальной аллитерацией, а в третьем двуступиции идет как бы усиление двух первых, то есть идет подтверждение вышесказанного. Также можно выделить вариацию эпитетов существительного яд «ачу» («горький»), «йыду» («дурно пахнущий»), «из ъ» («горячий, жгучий»)

В приведенном примере сначала мы видим числовую вариацию и вариативную характеристику яда, а далее идет, как бы обобщение вышесказанного, которое должно привести к итоговому результату.

При сличении вариантов сказания выяснилось, что дословные совпадения вариативных фигур в рассматриваемых сказаниях очень редки. Это в основном устойчивые вариативные фигуры, которые в своей структуре обязательно имеют набор опорных, или ключевых слов. Эти описания могут, сохраняя имеющиеся в себе смысл, варьироваться в разных сказаниях и в пределах одного сказания. Устойчивость же этих вариационных параллелизмов достигается как раз благодаря опорным и ключевым словам и словосочетаниям, которые сохраняясь в своей основе, могут варьироваться сказителями в описании тех или иных эпизодов в повествовании. В наши дни на основе текстов монгольских и тюркоязычных народов глубоко и подробно вопрос об устойчивости и вариативности эпических формул осветила Е. Н. Кузьмина. Она осуществила теоретическую и сравнительную разработку этого вопроса. В своих сравнительных анализах она также брала алтайский материал. По ее словам: «В своей структуре типические места обязательно имеют набор опорных, или ключевых слов, по которым их можно опознать. Эти слова, связанные в устойчивые словосочетания, со временем обретали образный смысл, представляя собой эпические формулы, функционирующие в структуре эпоса как в составе типических мест, так и самостоятельно. «Общие места» очень тесно связаны с поворотами сюжета и как бы маркируют собой важные в сюжетном плане эпизоды героического повествования. <...> Варьирование эпических формул происходит на уровне лексики, использования синонимического ряда, инверсии слов и строк, сокращения или, наоборот, расширения поэтических словосочетаний. Все это сказывается на природе типических мест, которые даже в одном повествовании встречаются много раз то в сокращенном, то в расширенном виде (от одной до нескольких десятков стиховых строк)» [8, 5]. И как мы видим, даже при

исполнении одного и того же сказания одним и тем же сказителем с интервалом определенного времени они подвержены частичным изменениям. Следует отметить, что сказитель, даже повторяя без изменений какие-то устойчивые формулы, не просто передает их как заученные, но как бы заново воссоздает, опираясь на эпическую память. Здесь также при фиксации эпоса решающим фактором того, каким будет результат исполнения сказителя, может стать как физическое состояние сказителя, так и внешние обстоятельства.

Разновременные записи эпоса «Алтай-Буучай» от А. Калкина полностью подтверждают тезис о том, что каждая запись – это результат творческого акта и имеет самостоятельное значение. Поэтому каждый вариант одного и того же сказания, записанный от одного и того же сказителя, нужно считать самостоятельным произведением.

Следующая интересующая нас стилевая категория – это *подхват* или *анадиплосис* (от греч.: *anadiplosis* означает «удвоение») – один из видов словесного повтора, а точнее – повтор заключительного созвучия, слова или словосочетания в начале следующей строки или фразы.

По словам А. В. Кудиярова, «якутский эпос и алтайский демонстрируют убывание этой стилевой категории» [4, 51]. Но в сказаниях, записанных В.В. Радловым во второй половине XIX века, подхват встречается более часто, чем в вариантах сказания «Алтай-Буучай», где наблюдается также убывание этой стилевой категории по сравнению с более ранними записями алтайского эпоса. В вариантах А. Калкина и Ч. Бутуева подхват не выявлен. Они исполнены каем под аккомпанемент топшуура. В варианте Е. Таштамышевой, который исполнен речитативным сказом, всего два примера подхвата. У Н. Улагашева подхват также очень редок.

В варианте Е. Таштамышевой один пример подхвата имеет глагольный характер, второй – именной подхват, т.е. подхват имен собственных и существительных. Глагольный же характер подхвата обусловлен структурной особенностью алтайского языка, где постоянное место сказуемого в конце предложения.

Именной подхват в алтайской эпике – явление весьма редкое, поскольку предложения в алтайском языке, как отмечалось, заканчиваются сказуемым. Этот вид подхвата сцепляет последовательные части текста на манер сказового повествования. Именным называют подхват имен собственных и существительных.

А. Конунов. Поэтика и стиль вариантов эпоса «Алтай-Буучай».

Приведем именной подхват, который нам удалось выявить в варианте Е. Таштамышевой:

Чойун кара өргөө тур јыт.	Чугунная черная юрта стоит.
Тогзон тундүктү,	С девяноста дымоходами,
Тогзон тогус толукту.	С девяноста девятью углами.
Тогзон тогус толукту	С девяноста девятью углами
Өргөөзин көрүп,	Юрту увидев,
Камчы-јеерен ат	Камчи-дьерен конь
Арга-бекезин тапий турды.	Не знает, что предпринять.

[3, 224]

Здесь мы наблюдаем фразовый подхват, где зависимые слова от существительного *юрта* занимают целую строку.

В тюрко- и монголоязычной эпике подхват носит в большинстве своих проявлений глагольный характер, чем объясняется средоточие его в их фабульной части, повествующей о событиях и действиях, поступках персонажей. Чаще всего конечный глагол подхватывается следующей фразой вместе с зависимыми словами, например:

Эрмен-Чечен тышкары чыга конды,	Эрмен-Чечен наружу выбежала,
Тышкары чыгы коноло:	Наружу выбежав:
«Ба-таа, Алтай-буучай кел јаткан	«Ба-таа, Алтай-Буучай едет
Ушкуш» – дийт.	Кажется» – говорит.

[3, 200]

В варианте Н. Улагашева выявлены три прерывистых подхвата, то есть, подхватываемая и подхватывающая фразы могут обособляться друг от друга. Например:

Јара-Чечен кызына айтты :	Дочери Дъара-Чечен сказал :
«Мен үйде јок тужунда	«Когда меня дома не будет
Боро тайга чыкпа.	На серую гору не поднимайся.
Ак талайдын кутук суузына	В целебную воду белой реки
Эки будун эмди сукпа»	Ноги не опускай»
Кызына онойдо јакыйла ,	Дочери так наказав ,
Бай-Чоокур адына минди.	На коня Бай-Чоокур сел.

[3, 24]

Здесь сказитель прибегает в подхвате к глагольной синонимии (выделено полужирным шрифтом), придающей дополнительный художественный оттенок тексту.

Таким образом, можно сказать, что подхват является характерным стилевым приемом для сказительства алтайцев. В становлении его как стилевой категории свою роль сыграла особенность памяти при устной передаче значительного объема информации. Также повтор слова, а точнее фразы, в начале следующей позволял при исполнении сказания не терять нить повествования, позволяя последовательно переходить от одного события к другому, от одной темы к другой, придавая стройность, а местами и торжественную приподнятость изложению.

Еще одним характерным стилевым признаком в рассматриваемых сказаниях, является *усложненная эпитетика*. По определению А. В. Кудиярова, это – «особый вид художественной определительности, когда один из эпитетов в определительном ряду уточняет или усиливает другой» [4, 12]. Например, в варианте А. Калкина:

Јорго јеерен ат *Иноходец рыжий* конь [3, 156]

Јалбыш јеерен ат *Пламенно рыжий* конь [3, 158]

У Е. Таштамышевой:

Эрке јеерен ат. *Любимый рыжий* конь. [3, 212]

У Н. Улагашева:

Јеерен кызыл тўлкў туштаар. *Рыжая красная* лисица встретится. [3, 48]

Во второй и последней цитате – распространенный вид усложненной эпитетики в алтайском эпосе, где один из эпитетов определительного ряда усиливает последующий, выступая, таким образом, определением к определению, а не к определяемому существительному.

В алтайских героических сказаниях эпитеты чаще всего – постоянные, т.е эпитет и определяемое слово выступают как смысловое целое. Такие эпитеты, раскрывающие наиболее

долговечности. Здесь все эпитеты независимы друг от друга, но один из них может дополнять или непосредственно характеризовать другой в определительном ряду существительного. И лишь в этом качестве соотносится с последним или вовсе с ним не соотносится (в этом и состоит усложненность эпитетики).

Основную функцию этого стилевого приема мы бы определили, как усиление характеризуемого признака или уточнение того или иного аспекта.

Таким образом, даже краткий анализ некоторых стилевых категорий в вариантах героического сказания «Алтай-Буучай», позволяет характеризовать их как типичные образцы художественной фактуры устной эпической поэзии алтайцев, которые сохранили свою значимость и ценность по сегодняшний день. Согласно характерной для художественной системы эпоса тюрко-монгольских народов канонизированности содержания и поэтической системы, сюжетно-композиционная линия в вариантах сказания «Алтай-Буучай» традиционно начинается с описания земли богатыря, его родовых мест, его коня, и т.п. После этого объявляется событие – завязка, за которым выстраивается очередность событий, составляющих основное содержание сказания. Но при всей «канонизированности» содержания и, несмотря на то, что варианты сказания «Алтай-Буучай» имеют единый корень, каждый вариант предстает как сугубо самостоятельный словесно-художественный памятник, несущий в себе свою унаследованную, перенятую от поколений предшественников наполненность содержания, в которой реализуются каноны стиля и поэтики эпоса. У каждого сказителя, своя исполнительская манера, и у каждого – во многом свой лексический словарь и в целом эпический язык, вбирающий и особенности традиционной культуры определенной этнической среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суразаков С. С. *Алтайский героический эпос*. М.: Наука, 1985.
2. Суразаков С. С. *Героическое сказание об Алтай-Буучае*. Исследование и тексты. Горно-Алтайск, 1961.
3. *Алтай баатырлар 2013 – Алтай баатырлар (Алтайские богатыри)* / сост. А.А. Конунов. Горно-Алтайск, 2013.
4. Кудияров А. В. *Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири*. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
5. Мелетинский Е. М. *«Эдда» и ранние формы эпоса*. М., 1968.

А. Конунов. Поэтика и стиль вариантов эпоса «Алтай-Буучай».

6. Никифоров Н. Я. *Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина.* Омск, 1915.
7. Калачев А. *Былина об Алтай-Бучае* // Живая старина. Спб, 1896. Вып. 3-4. С. 492 – 499.
8. Кузьмина Е. Н. *О систематизации типических мест героического эпоса народов Сибири* // Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксп. изд. Новосибирск, 2005. С. 5
9. Басакаев Н. А. *Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба кижин).* Тексты и переводы. М., 1965.
10. Казагачева З. С. *Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын».* Аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск, 2002.
11. Улагашев Н. У. *Чёрчөктөр.* Ойрот-Тура, 1941.